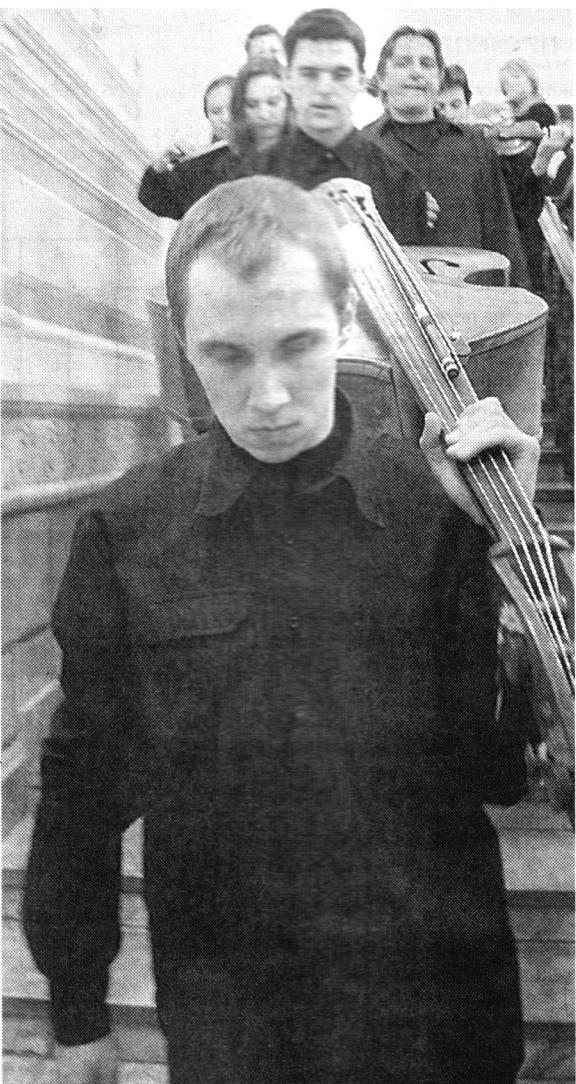

музыканты похоронили контрабас

ИЛЬЯ ОВЧИННИКОВ

Когда-то фестиваль современной музыки «Московская осень» открыл «Фауст-канту» Шнитке, «Музикальное приношение» Щедрина, поздние симфонии Вайнберга и ряд других знаковых сочинений. Сейчас критика и публика проявляют к форуму все меньше интереса, воспринимая его как сугубо «чеховское» мероприятие. За эти рамки, однако, выходят многие события фестиваля, и среди них — два концерта с участием виолончелиста Александра Ивашикина.

В траурной церемонии принял участие ансамбль «Студия новой музыки» в полном составе Фотограф: Екатерина Штукина/Газета

сюрпризы «Московской осени»

Злопыхатели прозвали «Московскую осень» братской могилой, что немудрено — в программе фестиваля около 250 авторов. Укрепляется его репутация как смотра, который композиторы устраивают для композиторов, фестиваля угрюмого и замкнутого. Между тем каждая «Осень» представляет ряд программ, не имеющих с этим ничего общего. И если организаторы задумаются о необходимости обращаться именно к слушателю, то последний рано или поздно заинтересуется фестивалем вновь. В этом мог бы помочь, например, вечер «Фарадж Караев: концерт-портрет». Кажется, жанр программы, посвященной одному, к тому же разменявшему седьмой десяток, композитору, располагает к чему-то поздравительно-заученному. Оказалось — ничего подобного. Сюрпризы начались уже с программки. Помимо сведений об авторе и исполнителях здесь нашлись две статьи, будто бы перепечатанные из журнала «Агитатор и пропагандистка» и газеты «Перестроочный прожектор» 193... и 198... годов соответственно. Как гласил первый текст, Фарадж Караев «в эпоху царских репрессий голодал в сибирских ссылках и тюрямах, в период Великой Октябрьской революции был в первых рядах пролетариата». По сообщению альтернативного источника, герой дня «в опаснейшую эпоху незыблемых догм и доктрин являл собой... эталонный образец демократа и диссидент». Подобную же многогранность продемонстрировал опус Караева «...Messeur Bee Line — Eccentric», представленный под четырьмя разными названиями в четырех версиях. Авторский комментарий «подыгравший колхозник наигрывает джаз на аккордеоне» был адекватен только в определенной мере; ему соответствовала первая, фортепианная версия, действительно ассоциирующаяся с неряшливыми, но очень веселыми квазижазовыми наигрышами.

С каждым новым вариантом усложнялась не только структура пьесы — добавлялись и элементы инструментального театра. Так, исполнение скрипичной версии (солировала Ольга Рекслот) сопровождалось появлением на балконе валторниста — бродя взад и вперед, кидая застенчивые взгляды на солистку, на валторне он так и не сыграл. Этalonным опусом в жанре инструментального театра оказалась открывшая вечер «Ist es genug?...»: Александр Ивашикин играл на виолончели в разных местах зала, периодически бросая инструмент и неистово стуча по ударным любых мастей. В середине сочинения духовики покинули сцену, чтобы потом неожиданно появиться в виде похоронного оркестра. Когда процессия торжественно удалилась из зала (вместо гроба вынесли контрабас), Ивашикин поиграл еще немного, пока его не оборвал пианист. В жанре инструментального театра в свое время активно работал и покойный Николай Корндорф, чей Concerto Capriccioso для виолончели, струнных, клавесина и ударных прозвучал днем раньше. Исполнивший сольную партию Ивашикин не случайно называет Корндорфа «самым интересным композитором после Шнитке»: сочинение будто начинается там, где заканчивается Первый виолончельный концерт Альфреда Гарриевича. Созданию подобного ощущения послужила не только торжественно-драматичная партия виолончели, но и окружавшие ее перестуки литавр, таинственные звуки вибрафона, аккорды клавесина (на концерте его заменил синтезатор). Во второй части задумчивость сменилась ликованием, вместо вибрафона зазвенели колокола, решительнее зазвучал клавесин, неожиданно загремела ударная установка. Когда не оставила сомнений в том, что сочинение способно значительно обогатить традиционный виолончельный репертуар; дождавшись премьеры через 18 лет после создания, Concerto Capriccioso прозвучал исключительно свежо и современно. Жаль, если блестящее сочинение затеряется в огромном котле, который на данный момент представляет собой «Московскую осень».